

ФЕВРАЛЬ

28.02. — Гастроли театра для детей и молодежи не сцене театралей в Москве.

22.02. — Открытие выставки Михаила Копьева в Центральном доме художника в Москве.

● Выставка произведений Георгия Попова и Сергея Лопатенко в российском Доме модно-го творчества в Москве.

● Дни культуры и искусства Вологды в Соколе.

● Литературный праздник, посвященный 90-летию писателя Константина Коничева в центральной районной библиотеке в Устье-Кубенском.

МАРТ

2—5.03. — научная конференция «Археология русского Севера» 4.03. — открытие выставки «Мир русской семьи в музее-заповеднике».

● Открытие центра истории и народной культуры в селе Липин Бор.

● 55-летний юбилей областной юношеской библиотеки им. В. Ф. Тендрякова.

● Открытие выставки прикладных вологодских художниц «Преддверие весны» [Т. Чистякова, Т. Рыбакова, В. Морозова, Н. Лаврентьева, О. Бороздина, И. Копьева и Т. Шмелева] в областном научно-методическом центре.

6.03. — премьера профессионального Русского фольклорного театра АО «Северсталь» под руководством Е. Максимова в Череповце.

11.03. — открытие выставки «Весенний вернисаж в «Русском доме».

18.03. — Открытие выставки «Религиозные сюжеты в русской гравюре XVII — начала XX веков» из собрания государственного Русского музея в картинной галерее».

21—23.03. — областная конкурс юных исполнителей на духовых и ударных инструментах в Вологде.

25—27.03. — заключительный праздник областного фестиваля детских театров в Вологде.

31.03. — творческий вечер, посвященный памяти вологодских композиторов В. Студенцова и А. Морозова в п. Куркино.

АПРЕЛЬ

1.04. — выставка Тамары Рыбаковой «Художественный текстиль и графика» в картинной галерее.

11.04. — выставка детского рисунка художественной студии в музее на Ленинградской, 6.

3.04. — премьера спектакля «Полуночный Журден» М. Булгакова в театре для детей и молодежи. Постановка Б. Гранатова.

4—5.04. — концерты в городской детской филармонии С. Ярославским симфоническим оркестром под управлением М. Аниамедовых выступили И. Богомолов (фисгармония) и Виктор Шевцов (скрипка).

● Окончание на 2-й стр. «Русской провинции»

Русская провинция

Выпуск подготовлен совместно с Управлением культуры администрации области

Виктор Астафьев в Вологде

● Я вспоминаю

Эти листочки с записями, с попыткой написать воспоминания пролежали 5 лет, и вот к 70-летию я вновь вернулась к ним. За эти годы многое изменилось: столько полярных мнений о нем появилось, признаний и хулений, восторгов и не-нависсти, понимания и не-приятия, что просто хочется для себя все «разложить по полочкам», хотя бы объяснить себе и еще кому-то, что в нем необычного, особенного, ведь талант никогда однозначно людям не принимается. Мне близка оценка, которую дал ему Л. Аннинский, что тянутся к нему в Овсянку люди, как некогда в Ясную Поляну, что он — крутой мужик. А чем берет? Тем, что в корень смотрит, под корень режет, самую основу на прочность пробует. Идет по центру. Какие-то краем — лагерьной темой с Солженицыным перекликается, с Шаламовым. Другим краем — с фронтовиками: Симоновым, Биковым. Еще — с «деревенщиками»: Беловым, Распутинным. Еще — с интеллигенцией... Но главное, мол, то, что, никто, кроме него, не решился задумать и сказать о народе, никто не видит этой правды с такой резкостью, никто не боится его так мучительно, никто не говорит о ней с такой прямой, как В. П. Астафьев. Вот почему он поставил его

на 1 место на литературном тропе.

Я видела его в будни и праздники, в горе и радости, в семье и на трибуне, в лесу и в деревенской избе, с разными людьми и со своими близкими... Видела чаще веселым, оптимистическим, нежели грустным. Его умение не унывать было всегда заразительным. Смех — самый частый гость в их доме. Вот дочь Иринка пришла с базара с плутовской молнией в глазах и рассказала с порога увиденную ею слышную сцену: бабуля перекладывала вышивала горку перца, чихнула — перец в разные стороны, зачихал продавец, руками машет, сказать ничего не может, а горка от их чихания разлетается, уменьшается... Рассказывала Ирина всегда с картинками — и все заразительно смеялись. Шутку, острое слово в доме Астафьевых всегда любила.

Как же я попала в их дом? Где познакомилась? 1971 год. В книжном магазине на Мира собрались книголюбцы в клубе «Субботние встречи». Б. С. Напиев представил нового автора — Марию Семеновну Корякину и ее повесть «Отец». Приятно, что была удалена тому, что вижу перед собой жену Виктора Петровича Астафьева. Это еще больше подогрело интерес к ее творчеству, к ее

рассказу о себе, о своей фронтовой судьбе. (Живая в Перми, а Ижевске я слышала о писателе Астафьеве, но только в Вологде в букинистическом магазине мне удалось купить его книгу «Повести» и там же я услышала о том, что писатель живет в Вологде. А я после прочтения глав из «Последнего поклон» написала ему письмо, но не знала, куда отправить).

Мария Семеновна, изрядно волнуясь, говорила, как приходит любовь человека к книге, и если она пришла, то даже на фронте человек с книгой не расставался; как читалась «Хижина дяди Тома» в землянке, слушали с напряженным вниманием. Она читала стихи Ю. Друнини; рассказывала, как создавала ее повесть «Отец», биографическая повесть о нравственности в большой и дружной семье.

После выступления я дождалась ее, пригласила рассказать это же своим ученикам. Нам оказалось по пути — и мы разговорились. Нашлось много общего с книгой, по Перми, поговорили о стихах и судьбе Н. Рубцова, дни после его гибели еще не закрылись темной пленкой. Мы понравились друг другу (наша дружба продолжалась и до сих пор!), обменялись телефонами, и я была приглашена в их дом на Улицы.

● Окончание на 2-й стр. «Русской провинции».

● Звездный гость Зураб Соткилава!

«Я—ЗЕМЛЯНИН!»

Зураб Лаврентьевич, похоже, вы приезжаете проводить у нас мастер-классы бельканто. Под вашим руководством второй раз «поем» по-итальянски...

— И это прекрасно. Я рад, что зал меня под-держал. Я это специально делал, чтобы народ, у которого столько бед и забот, уходил в хорошем настроении. Знаете, как итальянцы говорят? Если ты поешь — у тебя все пройдет и боль, и забота.

— Вы приехали и нам из Париза!

— Да, а до Париза пел в Брюсселе, Лилле, Ва-не, Зальцбурге. Были очень трудные, тяжелые га-строли. 20 апреля у меня был творческий вечер в Большом театре, меня очень отговаривали все от поездки в Вологду, но я дал слово и приехал.

— Ощущаете ли вы некий перелом в восприятии, когда поете в лучших залах Европы и здесь, у нас?

— Знаете, я публику на столичную и провинци-альную не делю. Я думаю, величие музыки в том и заключается, что нет ни глубинки, ни столицы. Есть только музыка — мост между душами людей разных национальностей.

— Значит, понятия «провинция» для вас не су-ществует вообще!

— Сам я из Сухуми и знаю наверное, тот, кто хорошо учится, постоянно занимается, требователь-но к себе относится и работает над собой, где бы он ни был, все равно просветится. А в столицах, сколько у них бездельников, не дай Бог!

— Мне вспоминается ваше выступление по Цен-тральному телевидению в разгар грузино-абхазско-го конфликта вместе с вашим земляком, писателем Фазилем Искандером, имевшее огромный духов-ный резонанс. Как воспринимаете происходящее?

— Как аномалию, как явление абсолютно бес-мысленное и бесперспективное. Какая-то кучка людей на этом наживается, а народ страдает.

— Вы знаете, что есть и другой подход к прои-сходящему. Я давно знаю выдающегося кинорежис-сера Отара Иоселлиани, который в Вологде бывал, и меня просто крапиво интонация нетерпимости его последнего интервью «Комсомолец». Там была та-кая фраза: «Грузию всегда населяло русское от-ребье...»

Землю и недолгое счастье пожить на ней, чтобы увидеть свет и радости: так надо беречь ее и друг друга. Думаю, всем надо к этому стремиться.

— Зураб Лаврентьевич, вы поете в русской на-циональной сыватне — Большом театре, живете в Москве. Скажите, что раздражает вас в современ-ных русских? Что не превращает в нас?

— Я обожаю русских, дружу с многими из них и говорю это не потому, что нахожусь сейчас в России. Я преклоняюсь перед огромной русской культурой, перед ее великой музыкальной культу-рой. Русские композиторы — это просто феноме-нальное явление. Единственное, что мне не нравится в некоторых русских — их безразличие ко всему и терпение.

— Полагаете, пора в конце концов взбры-кнуться!

— Не дай Бог! Это взбрыкивание будет ужас-ным. Если русский народ взбрыкнется, с этой пла-нотой конечно...

С Зурабом Соткилава беседовала Наталья СЕ-РОВА, снимал Вениамин МИТЕЛЮКОВ.

● Окончание.
Начало на 1-й стр.
«Русской провинции».

АПРЕЛЬ

6.04. — концерт Зураба Соткилава в областной филармонии.

7.04. — первая встреча в возобновленном клубе друзей кино при кинотеатре «Салют». Кинокумиры прошлых лет М. Брандо в «Последнем танго в Париже».

8.04. — торжественный вечер, посвященный 75-летию вологодского музыкального училища.

9.04. — юбилейный вечер актера драматического театра А. Михасика.

● Годовщина музея-квартиры заслуженного художника России Александра Пантелеева.

15.04. — премьера авторского фильма Николая Оляникова «Воля» в «Ленком».

15.04. — в детском музыкальном театре-студии возобновлен балет «Белый конек».

17.04. — премьера оперы «Голубой щенок» в детском музыкальном театре.

22.04. — 80-летний юбилей народного артиста В. Сафонова.

27.04. — 2,5-летняя культурная программа, посвященная 5-летию Дома актера.

27.04. — выставка «Традиционный народный костюм Голландии и России» в музее-заповеднике.

30.04. — выставка живописи и графики Ю. Соколкина в картинной галерее.

Рад, что журналистам «Красного Севера» удалось найти новое направление общения с читателями — «Русская провинция». С благодарностью вспомню прошлогодние репортажи «Вологодские проселки». В каждой публикации — вологодская земля, ее люди, их дела и заботы — становились нам роднее и ближе. Но одновременно с грустью осознаешь, как недостаточны и скудны наши знания о природе, культуре, истории края, людях, живших рядом.

Мастер классической традиции

Выставки вологодских художников в залах Центрального дома художника в Москве стали почти традиционными. Выставка заслуженного художника России Владимира Корбакова стала событием художественной жизни. Объяснить этот феномен мы попросили директора картинной галереи, искусствоведа Владимира ВОРОПАНОВА.

— Это была традиционная выставка в ряду тех, что становились привычными прошлых лет: «Искусство земли Вологодской», персональные выставки Бурмагиных, Д. Тутунджан, А. Пантелеева. Самая крупная и представительная даже по расположению, она размещалась в шести залах третьего этажа, удобных и престижных. В очередь на эти залы стояли годами, пролагать здесь выставки только классических или ведущих современных мастеров.

— В чем особенность новой выставки Корбакова? — Это было долгожданная и самая сильная по отбору выставка, открытая строго по-московски, без колоколов и оркестров. И если выставки прошлых лет несли оттенок конъюнктуры или привязки к событиям, теме, то на этой все было по гамбургскому счету: только искусство, серьезности художественного качества.

— Вы сами выставили экспозицию!

— Нет, это делали сами сотрудники ЦДХ: строго, жестко и нелицеприятно отсеивая все временное, суетное, случайное. После такого отбора Владимир Корбаков впервые являлся перед зрителем как мастер классической традиции.

бору выставки, открытая строго по-московски, без колоколов и оркестров. И если выставки прошлых лет несли оттенок конъюнктуры или привязки к событиям, теме, то на этой все было по гамбургскому счету: только искусство, серьезности художественного качества.

— Свообразным показателем уровня выставки является и парад знаменитостей на вернисаже...
Майор там, корнет — С этой точки зрения высокий творческий уровень вернисажа Корбакова был, что называется, налицо. Но мне хотелось бы отметить, что это были не те приехавшие сюда лица из художественной тусовки, а те же известные художники, как академики Борис

Желаю новому изданию успехов, а вам, дорогие читатели, обрести умно и доброжелательного собеседника. «Русская провинция» — очень емкое и жизнеутверждающее название.

Юрий БАЗАНОВ,
председатель комитета экологии
и природных ресурсов.

Успенский, Виктор Иванов, Илларион Голицын, архитектор Генрих Бонаров, критик Евграф Кончин.

— Что ценного для себя нашли они на этой выставке?

— На открытии и обсуждении выступавшие отмечали цельность творческой натуры художника, неподвластность конъюнктурным изменениям сегодняшнего дня, духовность его картин. Особо интересным для всех оказался вопрос о творчестве талантливого художника в провинции. С одной стороны отмечалось, что вдали от столичной суеты и суетности художественного базара, каким сегодня все чаще выглядит ЦДХ, выставка Корбакова воспринималась, как явление искусства. Он не только сохраняет привычку, но и устоял искусству как творческой духовной деятельности. Живопись Корбакова не для мебели, не для интерьера, она не только не стелется, но буквально завладевает зрителем, погружая его в свой мир. С другой стороны отмечалось, что работа художника «дали от активной и разнообразной художественной жизни, приводит иногда к снижению требовательности к самому себе и коллегам.

Бесседова
Н. СЕРОВА.

Окончание.
Начало на 1-й стр.
«Русской провинции».

Виктор Астафьев в Вологде

Уже во время нашего пути Мария Семеновна рассказала мне немного о Викторе Петровиче, о том, как трудно ему работать — сказывались контузии и то, что плохо видит глаз. Об этом мало, мол, кто знает. Сидит, работает, думает, пишет, а одной рукой за глаз держится. ЕСТЬ вот некоторые писатели «Страница в день напишут и все, а он может порой работать, как одержимый, потом отдых нужен.

Писал предисловие к повести Евгения Носова (это его друг, а на друга еще труднее писать), рассказ написал, а для отдыха голове на рыбалку уехал.

Итак, первая встреча. Дверь открыл Виктор Петрович. Был он в телой фланелевой рубаше, в спортивных брюках. Крикнул: — Маня, к тебе. А она: — Поминишь, Витя, я тебе рассказывала о ней, и в Сибири жила, и в Перми, почти землячка.

Приглашена я была в комнату, которая завалась кабинетом: журнальный стол, два кресла, диван, сервант, телевизор. У окна необычное самодельное кресло, украшенное с трех сторон рогами оленя (уже потом узнала, что это подарок уральского читателя), на стене — картина Шишкина «Сосны» и небольшая этюд с пейзажем, на стене у двери — посмертная белая гипсовая маска Н. Рубцова и большой его портрет.

Разговор между нами и хоккеем был в основном как знакомство, он задавал массу вопросов — и как в Вологде оказались, и сколько в Перми жили, и какие по возрасту дети, и каковы вологодские шольники в отличие от других, где учи-

ла. Показал мне книжку стихов Игнатия Рондзевенского: «Вот мой учитель. Ему я многим обязан. Он очень интересно вел литературу. Всегда очень необычно начинал урок. А ему столько про верок устраивали, ругали его, но он не обращал внимания или не показывал своих огорчений перед нами. У меня в школе седины не было, или «плохо», или «очень хорошо». По-разному складывались с ней отношения. В школу ходил из-за булочки. Друг прикрывал, а я воровал. Ребята знали, но молчали, друг кое-кому и ножичек показывал.

Еще никогда не забуду, как вела у нас уроки молодая учительница. Отец подолгу лежал в больнице, а маме — что я Хочу в соборных штанах, в таких нигде и не показавшихся, а в школу ходить приходилось. Вот вызывает эта молодая меня к доске, а я не выхожу. Ну подтолкнул кто-то. Вышел я на середину класса, неумытый, грязный, воды не было. Она и говорит ребятам: «Смотри, перед вами самый не-

стоящий разгильдяй, учиться не хочет, а вид-то келеский». Девушка и оркестров. И если выставки прошлых лет несли оттенок конъюнктуры или привязки к событиям, теме, то на этой все было по гамбургскому счету: только искусство, серьезности художественного качества.

— Вы сами выставили экспозицию!

— Нет, это делали сами сотрудники ЦДХ: строго, жестко и нелицеприятно отсеивая все временное, суетное, случайное. После такого отбора Владимир Корбаков впервые являлся перед зрителем как мастер классической традиции.

— В чем особенность новой выставки Корбакова?

— Это было долгожданная и самая сильная по отбору выставка, открытая строго по-московски, без колоколов и оркестров. И если выставки прошлых лет несли оттенок конъюнктуры или привязки к событиям, теме, то на этой все было по гамбургскому счету: только искусство, серьезности художественного качества.

фону, что это не стрельба, а дрессаж...»

— Товарищ майор, генерал говорит, что плохо стреляете, а он перебивает. — Разве я тебе так сказал, передавая точно.

Передал. А в ответ слышу: — Какой говнок там на проводе так разговаривает со мной.

Вот так и попадаешь в историю меж двух огней.

После этой встречи как-то с Марией Семеновной по телефону разговаривали, я ей пересказала заметку из «Комсомольской правды» об одном фронтовике, что его сердце не выдержало воспоминаний, он умер, так и не донес до войны то, что хотел. А она мне в ответ: — Вот поэтому и не берут многие за эту тему фундаментально, ведь надо было пережить то, что не забылось, но отодвинулось на время. Это так не просто. Нужна честность, нужна горькая правда.

Я вспоминала этот ее разговор, когда читала ее рассказ «Пешком с войны».

А роман о войне Виктора Петровича, первоначально в замыслах названный «Бойл наши раны» все отодвигался и отодвигался, может быть, и это о чем она сказала, было тоже

причиной. Ведь она знала своего Витю лучше всех.

Да, вот еще запись его в блокноте (года 1971): «Просили книгу о войне написать. Я ведь так напишу, что всем им тошно будет от моей книги».

К 1 мая, в день его рождения, послала открытку. Как-то сами собой родились строчки стихов:

— Что наши годы! Снова поезде, Там плавно набрав ход, наконец, Потом бегом неведомо куда.

И снова остаются за печками.

Мария Семеновна сказала, что ему они понравились. А было ему тогда только 47.

В этом году, к своему дню рождения, я получила его 2-х томник «Проза войны», издательство «Литер», Иркутск; с авторским, на втором томе нарисован им цветок стародуба и надписи: «А это овсянский стародуб к дню 8 Марта; как, напоминаю тебе, весна».

И вспоминаю, что как-то при встрече в его кабинете слушали прелюдию Баха. Музыка как-то успокаивала, снимала что-то нахальное с души... каждый думал о чем-то своем... Потом песни на стихи Есенина...

Виктор Петрович собирался ехать в Сибирь. Дочь Ирина попросила, чтоб он привез ей цветок стародуба, он сразу нашел открытку с цветком, одну мне подарил. Я видела такие цветы в Саянах, их там как-то по другому называли.

Во втором томе «Прозы войны» есть проникновенный авторский монолог о времени, о себе, о становлении писателя в провинции, о нас — современниках его, а в нем такие строчки: «О-о, послушать нашего брата, да на астронавта с дорогим читателем, да позвонить бы все, нам сказанное-высказанное — было бы похвалой Берона-Мюнхгаузена!».

Конечно, я понимаю, что те немногочисленные, да и тому же краткие записи в блокноте, да записи о том, что учитель, о своих привычке, об этом главном не упустить, не передать и сотой доли его слова, часто сказанного с юмором; наши заботы, наши разговоры.

Помню, что как-то заметку в «Вологодском комсомольце», а редакция соединила мои «опусы» с И. Кабановой что-то на тему любви. Виктор Петрович прочитал и при встрече пошутил:

— Ты знаешь, что я подумал, прочитав, е, что по мне ее люди стали счастливей, разводов меньше, больше любви...

Юмор был понятен: потом он не раз мне говорил, что писать мешает учительская назидательность, желание всех учить.

После поездки на родную он рассказывал, как изменился Красноярск. У меня записана часть этого разговора:

— Писатель не должен отрываться от родины, от места, где его истоки, где все его знает. И хотеть непохоже здесь, но чувствую себя как командированный.

А ведь это 1971 год. И в «меморанде» он пишет, как прожил в тихой Вологде почти 11 лет в доброжелательной творческой среде.

Валентина СТАРНОВА.

Русская
провинция

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ГАЗЕТА
«КРАСНЫЙ СЕВЕР»

2.

Главному редактору газеты «Красный Север» Е. НЕКРАСОВУ.

Нередко бываю в Вологодской области и мне приятно видеть в домах жителей глубинки вашу газету. Заметила, что газета часто и совершенно справедливо обращается к истории, при этом публикуя серьезные и интересные. К примеру, автор статьи «Апостол Сибири и Алеския Н. Кедров» (№ 3 от 23.12.93 г.) на небольшой площадке сумел удачно разместить такую масштабную фигуру, как владыка Иннокентий Вениаминов.

Предлагаю вашему вниманию очерк о владыке Иннокентии (Алексandre Пустынском), вологжанине, который в начале этого века был епископом Алеския. С уважением, А. Хайретдинова, редактор-консультант студии «Аполумб» Московского международного радио, г. Москва.

Богата славными именами вологодская земля. Ее писатели и художники, поэты и авиаконструкторы, мореплаватели и исследователи составляют славу России. Изучая историю русских земель в Америке, невольно обращаешь внимание на то, как много вологжан упоминается в событиях, связанных с открытием и освоением Алеския и прилегающих островов. Уроженец Тотмы, мореплаватель Иван Кусков основал в 1811 году Форт Росс в Калифорнии; его земляк купец Г. Павлов еще в XVIII веке имел большое торговое и промышленное дело на Алеския. Вологодский священник Тихон Шаламов, отец писателя Варллама Шаламова, прослужил одиннадцать лет на острове Кадьяк. Об этих людях написаны книги, статьи, именем Кускова названа набережная Сухоны в его родном городе, есть мемориальный музей Тихона Шаламова.

Однако ни в одном печатном органе не встречается имени еще одного уроженца Вологодчины, жизненный путь которого пролегал через Алеския, Сан-Франциско, Московский Кремль, Якутск, Ташкент, Алма-Ату, Киев и Архангельск. Этот путь начался в Александровско-Королевской Пустыне, что на реке Шингаре в Грязовецком уезде, и оборвался выстрелом злобещего 1937 года.

Архиепископ Иннокентий (Александр Пустынский) был епископом Алеския (1903—1909 гг.), сменив на этом посту в Северо-Американской епархии архиепископа Тихона, будущего Патриарха Всей Руси. Сама уступила он нем впервые во время творческой командировки от жителей небольшого лесного поселения на реке Монзе, что в 12-ти километрах от Пустыни, где родился, а в 30-х годах жил и вел службу в местной Савато-Троицкой церкви владыка Иннокентий, списавший у крестьян глубокое уважение и добрую память, которая с годами обросла мифами. «Ученик был человеком, много языков знал. Были у него митра и риза золотые, ему в Америке подарили. Книг много у него было, от Шуйска на 12-ти подводках везли, а уж когда за ним миллионеры приехали, то всего сего подвоз было. А жил просто, в белых портяночках и лапоточках ходил. Любил раков на Шингаре ловить. Очень ребятишек любил. Для них в городе конфеты и игрушки покупал, вот такие воспоминания записала я на магнитофон у старожиллов, уроженцев ныне почти полностью опустевшей Пустыни, которые были детьми, когда архиепископ Иннокентий жил там на поселение».

Необходимые уточнения получила в в Московской Патриархии. В синодальной библиотеке есть шеститомное издание «Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы», где нахожу следующую справку: «Архиепископ Иннокентий, в миру Александр Пустынский, родился в 1868 году в Вологодской губернии. Закончил Киевскую Духовную Академию, имеет звание магистра богословских наук. Окончание. Начал на 4-й стр. «Русской провинции».

Международный «круглый стол» по этой теме пройдет 4—5 июля в Вологде. На нем пойдет разговор по широкому кругу культурологических проблем, связанных с жизнью Вологды на рубеже XIX—XX веков. Наиболее

интересные материалы и доклады составят содержание итогового сборника. «Круглый стол» мог бы положить начало созданию постоянного действующего культурного центра, объединяющего творческие силы города и области.

Твердили и твердят об упадке литературы, в том числе вологодской. Но был когда-то и литературный подъем, говорили даже об особой «вологодской школе». А мне всегда казалось, что слезы и подвемы в поэзии и прозе — вещи естественные. Как горюшки и яны на российской дороге.

Дайте талантливые стихи — вот что главное! А какие стихи талантливы? Те, которые доставляют нам эстетическое наслаждение, которые хочется повторять вслух, читать друзьям. Я буду говорить сейчас о «новых» вологодских поэтах, о новой волне, если хотите. О старших коллегах-писателях сказано уже много. Не хотелось бы повторяться. Единственное, о чем тут надо сказать: наши признанные поэты стали сейчас меньше печататься, хотя они, конечно, способны на «второе дыхание».

Итак... Если бы я стал составлять антологию «новой» поэзии Вологды и окрестностей (а такая антология нужна!), то кого бы я в нее включил? Ну, наверное, Михаила Солина, Василия Мишневца, Михаила Карачева, Владимира Хазова, Юрия Максина, Ольгу Черепишину, Андрея Широкова. Дело не в полноте перечня. Хотелось бы отметить поэтическое имя подтвержденными стихами самого поэта.

Смодисто пахнут тополя,
Дыханьем солнечным
соргеты.
Косынку обронило лето
На вологодские поля.
И слышется кажется
невередко
Таким доступным и
простым,
Когда пьяный поил
густым
Медовым запахом
сурепки...

Ну почему вот уже много лет сидят в моей голове эти простые строки Николая Медведева? Конечно, можно было бы попытаться объяснить их объяснение. Но... Вообще-то довольно редкий случай, когда поэтическое творчество возникает всего из восьми строчек. Обычно не требуется большой разбег. Я знаю у Медведева и другие хорошие стихи, иногда виртуозно написанные. Впрочем, давайте — сменим летнее удмирствование Николая Медведева на пронзительные осенние строки другого поэта:

Светлы осенние равнины.
Высок прощальный
И одинокий лист
К стеклу холодному
Светлы осенние равнины,
Простор небес
Необзорный...
Но этот, этот лист
Неповторим,

неповторим!
Наверное, вы узнали
стихи Натальи Сидоровой. С нее и надо бы начать нашу антологию: не только потому, что даму пропускают вперед, но и потому, что судьба ее как-то рано начала приобретать черты опреде-

«О чем шумят друзья мои поэты?..»

Она автор нескольких поэтических книжек, несколько песен написано на ее стихи композиторами. Можно было бы говорить и о некоторых слабых строчках Н. Сидоровой или «многочисленные» поразмышлять о том, в какую же сторону развивается дар поэты. Но сегодня у нас другая цель. И уж прошу на язык следующие имена и строки:

Пустыни наслаивались
речей,
Я вновь ничей! Я вновь
ничей!
Туда всю грусть свою
унес,
Где шум берез! Где
шум берез!..
И на душе моей
светлей
Среди полей, среди
полей!
Пусть заснежат мою
любовь
В обломках слов!
В обломках слов!
Но за нее я не боюсь!
Боюсь за Русь! Боюсь
за Русь!

Это «Осенняя песня» Василия Мишневца, живущего в Никольске, поэта. Думаю, мы еще дождем до того времени, когда такие стихи попадут хрестоматии русской поэзии. Надо любить своих поэтов и не бояться высоких слов об их творчестве.

Василий Мишневцев выступил в 1993 году две книжки стихов, раньше у него были только газетные публикации. Как и многие другие вологодские авторы, он с трудом преодолевал — мощное влияние Рубцова. Но еще сложнее было преодолевать косность редакторов и издателей. Я и сам убеждался в этом много раз, когда пытался вместе с Мишневцевым «пробить» его стихи в московские журналы. Они нас просто не понимали. Примером такой же истории и со стихами вологжанина Валерия Мурнина, у которого есть несколько отличных текстов. Приведу здесь один из них:

Привалило небо лес,
Напустило осень,
Мелкий дождик с
гущи слез,
Зависал у сосен,
Притоптал, как губку,
мхи,
Заглянул в канавы.
Красных молний
петухи

Общипали траву...

Такую чистую языческую образность теперь редко встретишь в стихах. На стихотворение В. Мурнина «Закаптал глаза белый день» написана прекрасная песня. Есть у поэта и недостатки, конечно. Мне кажется, что читателям интереснее столько пейзажа, сколько человек в пейзаже. Как раз — души, лирического «я» порой и не хватает мне в стихах Валерия Мурнина.

Но вот что любопытно — природные образы В. Мурнина вовсе не выглядят архаичными, хотя так уже давно не пишу. «Солнце рыжей белкой пригнуло на сук...» Или еще: «Гром собрался погулять, вынул из пояса...» Сравните, как использует образ грома опытный мастер Александр Романов: «Самолет охажу грома бросил в тихой синеве — И поленился у дома расцвистаться по траве...» Тут более современного попер, но никак не слабее, хуже это или лучше... А заканчивается короткое стихотворение А. Романова так:

И ценит от мысли
душу:
Как непрочен наш
покой.
Как легко теперь
разрушить
Мир зеленый вековой.

Последняя строка неожиданно для меня откликнулась в стихотворении другого автора, вологжанина Алексея Шевцова. Надо сказать, что в его новых стихах появилось та пронзительность, редкой которой читатель, в общем-то, и пренебрежительно гору литературы. И вот он, «мир зеленый», в ощущениях А. Шевцова:

Шумят деса, шумят
дожди,
Шумит зеленая
планета.
Шумят охрипшие
войды
В парламентах и
комитетах.
И серый соловей поет
Средь шума, гана
уступов...

Услышит ли его народ,
Задохнувшись в тисках
столетия?
Тут можно было бы вспомнить и еще одно стихотворение — Михаила Карачева: «Да, тяжелые грома столетия трясали родимую твердь...». И, конечно, не

обойти имя Михаила Солина, известного и старшего из новой плеяды вологодских поэтов, который на себе испытал всю тяжесть обветшавшего железного века.

Вероятно, нужен отдельный разговор о стихах М. Солина, да и о некоторых других поэтах. Может, читатели сами разгустят незабываемое, сильное стихотворение Лидии Тепловой из Сокола — «Последняя песня глухаря» и перечислит некоторые стихи Александра Дубинина, Андрея Климова, Василия Ситникова, Владислава Коркина, Владимира Кудрявцева, Александра Пошехонцова, Сергея Ладухина...

В «тисках столетия» попадает и отдельный человек, и семья, а не только народ как целое. Хотелось бы под занавес этих заметок процитировать стихотворение Натальи Сидоровой из книги «Время возврата» (Москва, 1991). Стихотворение не очень веселое, но с улыбкой, оно как-то смягчает нас, разряжает грозную обстановку. Это необходимо, ибо в окопах долго жить нельзя. Вот женщина и начинает искать согласия:

Мужчина в доме —
как прекрасное!
Окурки, струганки, звон
гвоздей,
И хлеб нарезан
крупно, властно.
Без эстетических затей.
А женщина легко, как
рыбка,
Скользят среди
домашних дел
С такой блаженною
улыбкой,
Как будто ангел
пролетел.

— Пусть видит, видит
ея соседки
И у меня! И у меня!
...А утром донесет
«разведка»:
— Прездоль.

Дальняя родня.
В своем роде отличное
стихотворение. Оно должно и в хрестоматии войти, и школьникам надо бы на таких стихах воспитывать, а то «тему любви» у нас показывают на уровне, на каком-то сосисках или на борщотворении — срывая все покровы.

В русской литературе слово только тогда становилось делом, когда за ним стояла судьба поэта. В Вологде есть поэты — это уже почти истина. По крайней мере, есть прекрасные стихи. Например, те, которые я привел в этих заметках — за каждый стих готов поручиться. И начинаются складываться поэтические судьбы авторов этих стихотворений. То есть сделан первый шаг. А вот сделают ли они второй и последующие шаги — это лишь одному Богу известно да еще тому поэту, который уже взял «в повелительные руки» волшебную скрипку и начал свою роковую игру...

ПОСЛЕДНЕЕ.
Эти заметки были уже в основном закончены, когда я узнал, что умер Валерий Мурин — литератор, автор двух стихотворных книжек. Неожиданная, горькая весть. Безвременная смерть... Почему век поэтов столь короток?

● Окончание. Начало на 5-й стр.
«Русской провинции»

Служил в Сан-Франциско, был ректором Таверской духовной семинарии, наместником Чудова монастыря в Московском Кремле. С 1903 по 1909 годы — епископ Албаски, затем назначается архиепископом Якутской и Туркестанской епархий. В 20-е годы уклонился в обновленчество. Умер в 1942 году в Алма-Ате, по другим сведениям — в 1935 году.

Есть и отзывы о. Сергия: «Архипастырь богомудрый. Имел много научных трудов, большой полиглот, блестящий проповедник. Уставно и величественно служил. Духовный писатель». Здесь же в списке научных трудов владыки Иннокентия — магистерская диссертация «Пастырское богословие в России за XIX век», статьи «Дары земные небесному жителю», «Два пути», «Три искушения» и другие.

Казалось, на этом можно было бы поставить точку и закрыть тему. Однако меня не покидают мысли о судьбе владыки Иннокентия, чувствую его масштабность и одновременно загадочность и трагизм. Почему местные жители называют его «митрополитом Киевским и Галицким»? Как мальчик из глухого края смог достичь такого высокого сана? Кем были его родители? Почему в 30-е годы он вновь оказался в родных местах и покинул их в сопровождении митрополитов? Почему в уважаемом справочном издании так неопределенна дата его кончины? Множество других «почему» заставляли действовать, уточнять, искать ответы.

Начала с писем в места, связанные со службой владыки Иннокентия. Написала также профессору Калифорнийского университета В. Петрову, автору книги «Русские в истории Америки»; в архивы Вологодской и Архангельской; обратился в редакцию журнала «Русская Америка», издающемуся в Вологде, ибо его материалы были бы близки и могли бы помочь в Вологодском областном архиве нашла тонкие метрические даты рождения и крещения, имена родителей, выписала оценки Саши Пустынского за второй год обучения в вологодской духовной семинарии, где он учился за казенный счет (новое «почему» — биротал) с 1883 по 1889 годы.

Счастливым случаем пролил свет на происхождение Пустыни: в ночной программе «Радио-1» однажды прозвучала информация о духовном ученике Сергия Радонежского, Арсении Комельском, первым вступившем на берега реки Шингарь в начале XVI века. Так что хотя и косвенно, но место рождения архиепископа Иннокентия освещено незримым присутствием великого русского святого.

Чудом сохранились у уроженки Пустыни А. И. Стожковой фотографии, с которой смотрят на нас пронзительные умные глаза, серьезный и одухотворенный лик строгого, серьезного человека с окладистой бородой, со всеми регалиями высокого священного сана. Визу запечатано: «Председатель Совета и Ректор Богословской Школы в Киеве, Высокосвященнейший Иннокентий, Митрополит Киевский и Галицкий». Бесценный документ, не правда ли? С этой фотографии художник С. Кулаковский недавно написал портрет.

Тем временем стали приходить и другие документы. В частности, письма. Профессор Калифорнийского университета В. Петров подтвердил данные о службе владыки Иннокентия на Албаске. Из Архангельска сообщили номер архивного дела. Из поселка Каменки уроженец Пустыни А. И. Лыков, пишущий летопись своего рода, прислал интересные и подробные сведения о юных годах Иннокентия, тоже в немалой степени связанные флером легенды. Из Епархиальной комиссии по канонизации новопочиненных Алма-Аты пришло письмо, часть которого я процитирую:

«На основании Указа ПВС СССР от 16.01.89 г. восстановлена справедливость в отношении Пустынского Александра Дмитриевича, 1868 г. рождения, уроженца Вологды, образование высшее богословское, бывшего митрополита, расстрелянного 3 декабря 1937 года в Алма-Ате по решению тройки УНКВД по Алмаатинской области».

За что такой мученический конец? За благость? За желание своей ласке душевного и телесного здоровья? За служение Господу Богу?

После того, как приторклялся завеса над некоторыми периодами жизни владыки Иннокентия, подумалось, что нельзя предавать забвению память о человеке столь насыщенной, страстной, счастливой. Все бы в этой жизни: сиротство, детство, революция, синагожские колокола и кресты, аресты. Но это был путь поисков истины и справедливости, шедший по самым крутым разломам эпохи, полный боли за народ, из недр которого и вышел владыка Иннокентий.

И как-то сама собой возникла мысль о создании на родине митрополита небольшого мемориального уголка. Есть письма, есть архивные выписки, ксерокопии его произведений, портрет, магнитофонные записи воспоминаний старожилов Пустыни. Пусть оживет память о митрополите Иннокентии, которого дала и взрастила вологодская земля. И пусть послужит эта память вынесшему и последующим поколениям источником духовности, очищения и гордости за своего земляка.

Осенью, 7 октября, митрополиту Иннокентию будет 123 лет. В этот день приглашаем всех на открытие музея в поселке Киричичи, что на реке Монош и в 26-ти километрах от Вологды. Милости просим, дорогие вологодчане!

Асия ХАЙРЕДИНОВА,
апрель 1994 г.
Фототермодуция В. МИТЕЛКОВА.

Болото называлось Токовым.
Название надо мною

издается!
Ведь лет уже пятнадцать
таковым

Местечко это больше
не является.

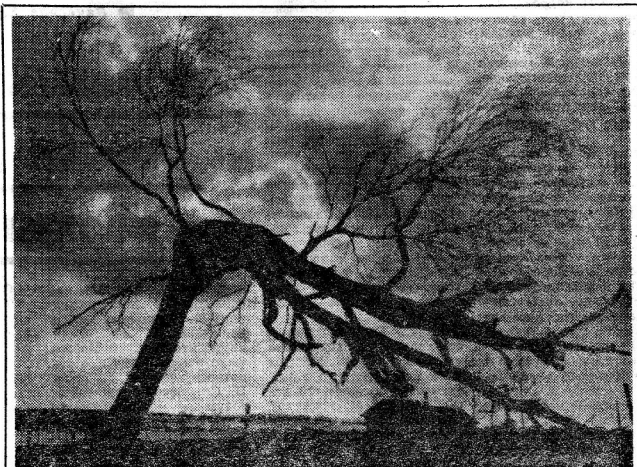
А то болото Красным названо.
И вновь раздумья наплываю
тягостны

От ягод прежде было там

красно,
А где они сегодня, эти ягоды?
И лебедей в Лебяжьем больше
нет.

Осинник чахлый вокруг
Таежной станции.

О, имена давно минувших лет!
Вы в наши дни подвержены
инфляции...

Дорогие земляки!

Летом—осенью 1994 года на территории Вологодской области будет работать первая многоцелевая экспедиция «ПУТЬ—ИКС».

Нам интересно все — история и день сегодняшних, документы и фотографии, промыслы и фольклор, це-

лители и ладошодцы, сказки и быльшачины — что есть и было на нашей земле.

Если вы располагаете какой-либо интересной информацией о нашем крае, его людях, природе, истории, загадках, пишите нам.

С вниманием относимся к вашим письмам, рассмотрим любые предложения, по возможности не откажемся от приглашений.

Адрес оргкомитета экспедиции (для писем): 162511, г. Череповец, ул. Петровская, 48—36, «ПУТЬ—ИКС».

Тел. для спонсоров и предложений (в Череповце): 7-77-27 (с 12 до 14 ч.).

Выписывайте «Лад». Он поможет вам

жить в ладу с собой и с миром

Открывается мартовская книжка журнала раздела «Самый красивый дом», в нем публикуются очерки о семьях разных, но хороших, дружных и интересных. Впрочем, ведь семей неинтересных в мире нет, как сказал когда-то знаменитый поэт. Конечно, правда, он не совсем правильно будет и это. В нашем случае — именно так будет особенно правильно.

Так вот, в этом номере говорится о семье Мироновых из Великого Устюга. Материал С. Зайцевой о них так и называется: «Семейный ансамбль Мироновых». Семья эта музыкальная, и прежде она нередко выступала еще четверном, и успехом пользовалась немалым.

А если подумать, разве не каждая семья — ансамбль? И как хочется иногда всем вместе что-нибудь исполнить... И тут наш журнал обязательно поможет. Потому что в нем есть и чтение и для каждого в отдельности, и для всех вместе; есть и разговор о правопови, и рассказы о народных ремеслах, и детек-

тивы, и проза, и стихи... Много чего есть.

Возьмем третий номер. «Наш вернисаж» — очень красивые гравюры из Вологодского картинной галереи, точнее, из приобретенной недавно галереей знаменитой коллекции Глинкиных.

«И ныне, и присно» — здесь говорится о монастырях, в которых побывали вологодские художники. «Годы и судьбы» публикуют документальные рассказы А. Кудряшова о знаменитом актере П. Орленеве — он был тесно связан с Вологодом и даже с Соколом...

Самый, пожалуй, главный материал номера (и не только по объему) — это очерки Константина Корвина «Воспоминания о Севере России». Написал их знаменитый русский художник в Париже, в эмиграции, там же они и были напечатаны в газетах. Несколько лет назад некоторые из них публиковались в России, но не все, да и в напечатанных были цензурные изыскания. Американская исследовательница Татьяна Ермолаева, занима-

ющаяся литературным наследием Корвина, подготовила их к печати — и теперь, спустя столько лет, они появляются в тех местах, о которых и рассказывают.

«Бабушкино слово» — Л. Ю. Зорина рассказывает о трудовых пожеланиях, раньше широко употреблявшихся в вологодской речи.

«Книга в журнале» начинает публикацию романа знаменитого Джона Кризи, «Гороскоп убийств» — так он называется, и на русский еще не переведен. Есть еще материалы о резьбе по дереву, о деревянных приспособлениях для выпечки хлеба, о загадочной, но очень интересной игре в драблун...

Итак — каждый номер: всегда есть что почитать и для развлечения, и для пользы (но не скуки). «Лад» говорит и об истории, и о современной жизни. В нем есть все, кроме политики.

Индекс издания 73666. Подписная цена на полгода — 1620 рублей (оформить подписку в редакции еще дешевле: 1200 рублей).

«Российская провинция» — журнал о России. Вышли свет его первые номера. Уже в самом названии нового издания чувствуется достоинство, масштаб, а чем-то даже вызов откровенно «столичным» журналам. А может быть, это скорее вызов годами сложившимся стереотипам в общественном мнении о российской глубине как о чем-то безнадёжно отсталом, заскорузлом, в своем невежестве и консерватизме.

Подобное представление о нашей стране (ведь, кроме Москвы и Петербурга, все остальные города и все, кроме провинции, а значит, России!) прочно укоренилось в отечественных словарях и энциклопедиях. «Провинциализм», «провинциальный истолковываются как понятия устар. и неодобр...». Считалось, что провинциализм в нашей стране «преодолен». А в прошлом, как, например, безграмотность или эпидемия холеры. Вот только в последние годы, когда все увереннее зазвучал голос регионов, стали чаще вспоминать слова Карамзина: «Россия сильна провинцией».

Писатель имел в виду российские земли — северные и южные, плодоскопные и прибрежные, уральские и сибирские — не как некую противоположность столице, а именно как воплощение укорененной самобытности, веками выработанного и потому устойчивого многообразия укладов жизни россиян, которые, по Карамзину, неподдавались столичным, обычно через «юно в Европу» прорывающимся «вещаниям», с которыми петербургские времен нередко заменим, переменчивым, книжно-умственным, далеким от реальности российской жизни. «Мы задумали наш журнал как голос провинции и надеемся, что он будет интересен людям мыслящим, склонным к самостоятельным сопоставлениям, на черно-белом восприятии России и мира», — говорил главный редактор нового издания профессор Вадим Чубанов. Журнал «Российская провинция» не принадлежит и не будет принадлежать ни к какому политическому течению. Мы надеемся, что это будет нормальный журнал — о том в жизни, что выше всякой идеологии и любых политических страстей. Такого его направления! Содержимое первых номеров подтверждает состоятельность этого не легкого намерения.

В 1994 году гостями его страниц станут «ласточки дуи» нашего времени Борис Васильев, Дмитрий Лихачев, Фазиль Искандер, Вадим Кожинов, Булат Окуджава, Михаил Лобанов, Никита Михалков, академик Борис Рыбаков, Леонид Абалкин, Сергей Аверинцев, Георгий Гачев... И, конечно же, журнал познанием читателей в провинциальности — людские таланты в области науки, культуры, бизнеса.

Олег КАРИПХИН,
зам. главного редактора
журнала
«Российская провинция».

Русская провинция

4.

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ГАЗЕТА
«КРАСНЫЙ СЕВЕР»